

БЭТЛКОРПС

СУРКАЙ

*Ильза Дж. Бик
(Ilza J.Bick "Surkai")*

**Шельфлайсленд
Арк-Роял
15 июля 3066 г.: сумерки**

Мара закричала, крик её агонии, прорезавшись сквозь завывания шторма и рев бушующего моря, пронесясь над черными базальтовыми выступами, усыпавшими отвесную скалу тридцатью метрами ниже.

Джейкоб Гейст замер. В её голосе прозвучало столько страдания, он настолько шокировал, просто замораживая кровь, что он не мог поверить, что кто-либо, испытывающий подобную боль, (уж он-то о боли знал много) мог остаться в живых. «Господи, да они убивают её!» Он сделал быстрый вдох, и в носу защипало от острого запаха сосновой смолы и горелой древесины. Его лицо покрылось потом, оставившим на губах солоноватый привкус и неприятное чувство страха, а сердце стучало в ребра так сильно, что ему казалось чудом, что его грудная клетка не взорвалась.

Тут вновь раздался крик Мары.

Его мысли превратились в клубок безумной путаницы, словно в голове поселился бешеный кот, игравшийся с его мозгом, как с клубком пряжи. Боже, Мара была всего лишь одним элементалом, и ей нечего было противопоставить парням с пушками, и сейчас у неё были большие проблемы, а ему необходимо что-то предпринять! «Думай!» Дрожа, Джейкоб поглубже забился в свою укромную нору, выдолбленную в покрытом коркой снеге. Море было у него за спиной, а его ледяная пещера располагалась между отвесными валунами, рядом с подъемом, ведущим к голой поверхности базальтовой скалы.

Сколько еще будет светить солнце? Оставив снегоступы, он отважился на быструю вылазку к горному хребту. Кожа на лице горела от ледяного ветра, до него донесся соленый, с привкусом алюминия, запах моря. Солнце уже спускалось к горизонту, отбрасывая свет, больше похожий на серебристое свечение, на темную, неспокойную поверхность моря. До темноты оставалось совсем немного. Шельфлайсленд был крайней точкой архипелага, лежавшего к юго-западу от

БЭТЛКОРП

Герехтланда, наиболее удаленной колонии клана Волка в изгнании. Он находился далеко на юге, очень близко к полюсу: здесь царила зима, и не было лета, как в родном Гутхайме. Как только скроется солнце, температура начнет резко снижаться. Его зимнему комбинезону (черный, черный, он проявил плохие способности к выживанию, такая приметная цель на белой поверхности, и о чем он только думал?) пока удавалось поддерживать температуру тела, но с наступлением темноты он точно покойник.

Хотя, скорее всего, до темноты он не протянет, как и Мара. Его руки сжались в кулаки, и от неожиданности он моргнул, когда вначале сухой снег превратился в жидкую кашицу в его правой руке из крови и плоти. Снег не растаял в его левой руке, в той, что была сделана из миомерных сплетений, титановой кости и искусственной кожи. Он продолжил сжимать пальцы, пока снег не превратился в твердый, словно необработанный алмаз, кусочек льда.

Его мозг лихорадочно работал. Ладно, Мара ему сказала, что, когда загорятся деревья (а они взорвались, и он предупреждал, что так и будет, ведь в них столько смолы, что их невозможно подпалить, они попросту взрываются), он должен оставаться на месте и дать ей самой разобраться с этими парнями. Она не была до конца уверена, были ли это агенты-разведчики Лиры или же люди принца Виктора. И теперь она попала в беду, но, черт возьми, ему же только шестнадцать. Он ничего не знал о сражениях и о том, что он здесь делает, наверное, он сошел с ума, когда позволил Кристиану Келлу ввязать его в эту авантюру, ему следовало бы остаться дома – вот только им нужно было остановить лиранцев или кого-то там еще и немедленно, пока не стало слишком поздно.

«Для начала необходимо спрятаться, затем составить план действий». Быстрым движением он присел. Это была ошибка: как только он коснулся ледяного снега, он набрал скорость и помчался вниз по склону, со свистом пролетев мимо пещеры. Нет, нет! Разъяренный, он попытался перевернуться на живот, но тут его правый ботинок за что-то зацепился, отчего он совершил кувырок. Вначале он чувствовал только стремительные порывы ветра и вихри снега на своем лице. Потом он врезался.

Раздался резкий звук, словно сломалась сухая ветка. Правую руку и плечо захлестнула стремительная волна обжигаю-

БЭТЛКОРП

щей боли, и Джейкобу не удалось с ней совладать. Он закричал – и тут снег забился в рот и нос, пока он падал со склона. Его легкие горели, пронзительная боль терзала плечо. Затем он с силой врезался в троицу горных выступов, покрытых снегом и толстой коркой льда.

На одно дикое мгновение ему показалось, что это конец, пока его горло не прочистилось от снега. Он раскашлялся, выплевывая горстки наполовину растаявшего снега, затем наполнил легкие обжигающе ледяным воздухом. Из-за этого усилия по левому боку острым скальпелем прошлась боль, похоже, он сломал ещё и пару ребер. Задыхаясь, он просто лежал, чувствуя, как в груди полыхает огонь, у него кружилась голова, боль в руке убивала – и в этот самый момент он увидел, что из правого предплечья, словно второй локоть, торчит кость.

Тут что-то твердое, настойчивое ударило его сзади по голове.

На долю секунды Джейкоб, забыв про свою боль, перенесся в прошлое. Ему было десять, на дворе стояло лето, потоки жара окатывали его спину, пока он прижимался к земле среди высокой сухой травы, щекотавшей ему нос, отчего безумно хотелось чихнуть. Но нет, нельзя было пошевелить ни одним мускулом, ведь он хотел поймать Иоакима. Вот только его брат-близнец и на этот раз его превзошел и поймал его с поличным...

Что-то твердое вновь ударило его по шее, и видение летнего дня из его детства – видение Иоакима, ведь он давно умер – рассыпалось, словно высушенные листья. Одурманенный болью и шоком, Джейкоб немного обернулся, пока не уткнулся в круглое дуло гаусс-винтовки, весьма реальной и очень большой.

На мужчине был покрытый зигзагами снежный камуфляж, а его лицо закрывало темно-серое стекло шлема, который был глаже и намного меньше нейрошлема, при этом он был полностью автономным. К рюкзаку, висевшему на плечах, извиваясь, из задней части шлема шла трубка из гибкого материала. Костюм, судя по всему, хорошо изолировал и удерживал тепло, при этом он плотно, словно вторая кожа, облегал тело, подчеркивая все изгибы и выпуклости: мощная, накачанная грудь, бицепсы размером с бревна и ноги, похожие на стволы деревьев.

«Похож на скафандр.» – Из-за страха и боли в голове у Джейкоба все смешалось. – «Вот только мы на земле, и у

меня болит рука, я сломал свою чертову руку, и теперь мы погибнем».

Мужчина ударил по кнопке управления на левом запястье. Серый щиток шлема распался на две части, облако теплого влажного воздуха вырвалось наружу, и его тут же унес ветер, а Джейкоб посмотрел в угольно-черные, бесстрастные, как у кобры, глаза.

— Ах, боже мой! — глубоким, раскатистым баритоном сказал мужчина. — Что такое, наш птенчик сломал себе крыльышко?

Деревня Тертус, Лэчэн Лейк

Гутхейм, Арк-Роял

8 июля 3066 г.

Психиатр вновь оказался прав, черт его раздери. Как и Кристиан Келл. Потому что его мать *действительно* пила: Джейкоб понял это, как только вошел в комнату и почувствовал запах — эту острую вонь дубового бочонка, смешанную с не таким сильным запахом прогорклого масла, застоявшегося пота и немытого тела.

В доме, где они жили с тех пор, как Кристиан увез их с Кукас Плэже Пит, спустя одиннадцать лет после убийства Нельсоном Гейстом Красного Корсара, стояла тишина, если не считать слабого жужжания работавшего кондиционера. Пленка пота, покрывавшая шею, испарилась, отчего волоски встали дыбом. Его затрясло, ногти правой руки вонзились в ладонь так сильно, что на глазах выступили слезы, а его левая — искусственная рука, прикрепленная к искусственному плечу — схватилась за медную ручку передней двери. Лето выдалось очень жарким, и, может быть, дверная ручка была теплой. А может, и холодной. Он не мог это узнать, потому что врачам не удалось приделать ему руку или плечо, которые чувствовали бы что-то большее, чем просто давление. В такие моменты, как этот, он отчасти хотел, чтобы все его тело было сделано из миомерных сплетений и искусственной кожи. Или хотя бы его сердце. Тогда ему не было бы так больно. Он бы не чувствовал себя так, словно в груди образовалась огромная дыра.

БЭТЛКОРП

Из кухни доносились зловоние, а его мать спала за столом, её длинные волосы были настолько грязными, что они висели безжизненными седыми патлами. В центре стола на замызганной кружевной салфетке стояла открытая бутылка виски.

Дорет медленно подняла голову, словно черепаха, показавшаяся из своего панциря.

– Ну ничего себе, смотрите, кто заглянул, чтобы попрощаться, – сказала она, только прозвучало это так: «нуничесешмотритехтовзглянувшбыопрафтся». Её бессвязные слова падали, словно чернила, стекающие по мокрой бумаге. Лицо покраснело от алкоголя, а от правого уголка рта к челюсти текла слюна. Было далеко за полдень, но на ней всё ещё был халат – домашний халат выцветшего небесно-голубого цвета, две верхние пуговицы были оторваны, отчего халат распахивался на груди. На ногах были хлопковые тапочки кукольно-розового цвета, с мягкими ушами, пришитыми черными глазами-пуговками и стежками красных улыбок – подарок Иоакима, когда ему было десять.

Джейкоб, помоги... не могу... дышать...

Иоаким, я не могу, не могу удержаться, моя рука, веревка опутала мою руку, я не могу тебя удержать...

Но сейчас кроличьи ушки поникли, и ворс совсем стоптался, и Иоаким давно мертв.

Подобно когтям ястреба, худые пальцы Дорет вцепились в стакан. На этот раз это не была пустая банка из-под варенья, стакан, словно его мать верила, что если пить виски из стакана, это что-то изменит. Вот только не изменит. И лучше не станет.

– Мам, – он вытащил стакан левой рукой, той, что ничего не чувствовала. Её пальцы дернулись, схватили пустоту, но она не сопротивлялась по-настоящему – просто часто моргала, таращилась мутными глазами, похожими на голубые бусинки.

– Мам, ну же, с тебя хватит.

– Нигда не хвает, – еще раз моргнув, Дорет попыталась сфокусироваться. – Ты не знаш, какво это, смотреть на тебя и вспоминать его, только тебе никогда им не стать.

– Мам, – было проще сказать нужные слова и покончить с этим. – Слушай, я уезжаю завтра утром. Кристиан все уладил и...

– Не шути змной, – с неразборчиво пробормотала она.

– Близнецы, как дфе каплыфды. Даже твой отец не мог вас

различить, никогда не мог. Различить. А я знала. Мать всегда шнает.

— Кристиан говорит, мне придется вернуться, — горло словно сдавило, было больно говорить, ведь он изо всех сил пытался не расплакаться. — Не лазить по горам, ты же знаешь, я никогда бы это не сделал снова, просто побывать одному некоторое время, чтобы научиться рассчитывать только на себя, что-то вроде проверки.

Джейкоб, ты должен себя простить. Ты должен отпустить Иоакима.

Как я могу простить себя, если именно это произошло, Кристиан, неужели ты не понимаешь?

— Проверка, — в устах Дорет это слово прозвучало ужасно. — Как будто ты просто бегаешь за своим братом, лазаешь с ним по ледникам, так, от нечего делвать...

— Мам.

— Ты и вправду просто бегаешь! — на шее Дорет вздулись вены, а в уголках рта скопилась слюна. В её глазах сквозила грусть и, теперь Джейкоб это видел, сияла ненависть. — Ты никогда не задумывался, что может случиться, потому что ты всегда был просто хвостиком, делал все, что говорил тебе твой брат, и ты был таким глупфым!

— Мама! — удивление и скорбь словно пронзили его, внезапно раздался треск, и стакан в его левой руке лопнул. В отупении, Джейкоб уставился на осколки разбитого стакана, виски, стекавшее по его пальцам, капало на пол, подобно янтарному дождю. Всё же, он по-прежнему крепко сжимал острые, как бритва, края левой рукой, желая почувствовать боль, ожидая увидеть кровь.

Но не было ни боли, ни крови. По крайней мере, не в его руке.

Позже, когда он уложил её в кровать и немного прибрался в доме, он зашел в комнату брата. В ней всё было так, как Иоаким там оставил, и теперь его близнец стоял на пороге, голубые глаза разглядывали ученические награды, медали по скалолазанию...

Свет был таким ослепительным, что у Джейкоба заслезились глаза, отливавший голубым лед сверкал, сильные, резкие

порывы ветра, словно с жадностью, набрасывались на него, пытаясь оторвать его от скалы. Так, дрожа, он из всех сил цеплялся, держа в обеих руках ледоколы, веревка, опоясывавшая его талию, была надежно закреплена, и, даже не задумываясь об этом, он держал левую руку опущенной. Сверху над ним раздавались удары крюков, которыми Иоаким разбивал лед, грохот вбивающего в поверхность ледокола, затем он проверял, после чего подтягивался – и вдруг хруст, хрустальный звон, который можно услышать только, когда ломается тонкий лед. Неожиданно Иоаким закричал и сорвался со скалы...

Хватит. Джейкоб захлопнул дверь в комнату брата, запечатал воспоминания, и ушел.

*Шельфлайсленд
Арк-Роял
15 июля 3066г.: утро*

Звук: приглушенный шорох, словно кто-то шаркает по ковру босыми ногами.

«Здесь кто-то есть.» Сквозь пелену медитации проскользнула эта мысль. В раздражении Мара устроила этой бессвязной мысли выволочку. Конечно же, там кто-то есть. Запечатленный в её воспоминаниях призрак Стивена всегда присутствовал в её мыслях. Всё же сегодня, и впервые после того, как её изгнали для исполнения суркай, клановского ритуала прощения, ей на короткое время удалось достичь умиротворения внутри, смириться с угрызениями совести и сожалением, принять вину, и это был успех, ведь суркай ничего не будет значить, если она не может учиться на своих ошибках.

«Так же, как ты подвела Стивена, воут? Ты усомнилась в командире своего пойнта, и теперь он мертв, и это твоя вина.»

Нет, она подвела себя! Атака на Таркад должна была начаться меньше, чем через две недели; «Гончие Келла» и силы клана Волка в изгнании, присоединившись к наступавшим, ушли два месяца назад, и она с ними не пошла. Ей отказали в чести участвовать в сражении вместе с другими воинами клана. Это было не только ещё одним из условий её суркай, но и пощечина, и винить в этом она могла только себя!

БЭТЛКОРП

«Потому что ты позволила Стивену погибнуть.»

В ярости Мара резко дернулась, вырвавшись из пелены медитации, как кит, выпрыгивающий из воды. Тут же сознание Мары вернулось в тело, и она вновь всё чувствовала, всё слышала: пощипывания там, где тело в утепленном прыжковом костюме соприкасалось с ледяной, покрытой снегом поверхностью базальтовых скал, резкий, очень холодный ветер, хлеставший по щекам, одинокий крик морской птицы, гулким, странным эхом разносившийся в скале.

Надвигается шторм. Её цепкий взгляд скользнул по пепельно-серым облакам, затем упал на море. Летом здесь, так близко к полюсу, вода всегда была насыщенного зеленовато-голубого цвета, но сейчас море отливало темной синевой ночного неба, на котором не сияют звезды. Пенящиеся, штурмовые брызги окатывали, со свистом бились о скалу, словно тысячи разозленных змей. Плоские кусочки льда, обломки огромных ледников, скопившихся на полюсе планеты, с шумом прибивало к берегу.

Вдруг каким-то непонятным образом сквозь свист ветра и рев моря она вновь услышала этот звук.

«Ут!» Она припала к земле, и инстинктивно ее правая рука метнулась к правому бедру. Рефлекс: она молча выругалась. Ни оружия, ни брони. Элементал мог быть смертельно опасным даже в драке на кулаках, но без привычного оружия она чувствовала немощь. Но таким было условие её суркай. В течение тридцати дней она должна была выживать, полагаясь только на свои способности – и ограниченные запасы. Одежда, которая на ней была, две дополнительные пары носков, комплект сухих перчаток, герметичная палатка, спальный мешок, сухпаек где-то на неделю. Фляга для растапливания воды, коробок спичек и пять ракет для разведения огня, плюс переносной обогреватель, который она редко использовала, потому что у нее была всего одна канистра с топливом. Она

БЭТЛКОРП

неплохо справлялась, питаясь сырьими улитками и крошечными крабами, которыми скалистый берег кишел после отлива. В снегоступах она проходила по двадцать километров в день. В пятнадцати днях пути и трехстах километрах было спрятано радио, с помощью которого она передала бы сигнал, и ее бы подобрали жители колонии клана Волка в изгнании, лежавшей в пятистах километрах к северо-западу.

Но теперь здесь кто-то был. Кто? Медленно и осторожно она оторвалась от скалы, после чего потянулась за снегоступами, висевшими на палке немного в стороне, и прицепила их к своим ботинкам. Затем, все так же осторожно, она сгруппировалась, напрягая мышцы бедер и икр до тех пор, пока не приняла стойку, пригнувшись на несколько сантиметров ниже своего полного роста в два с четвертью метра. Покачав головой, она затаила дыхание и, закрыв глаза, сосредоточилась.

Мгновением позже она с трудом сдержала смех. Кто бы это ни был, он был силен, но не привык к снегоступам. Каждый шаг выдавал его неуклюжесть, и можно было услышать клацающий звук скользящего по снегу металла. Возможно, новичок, решивший пойти по параллельному подъему вместо того, чтобы следовать уже проложенной тропе. «*Ну, а теперь посмотрим, что этот щенок-сфераид из себя представляет.*» Выпрямившись рывком, она затаилась, чтобы поприветствовать нежданного гостя в достойной клана манере.

Вот только у неё не было такого шанса. Краем правого глаза она уловила желтую вспышку очень яркого света. Внезапно насторожившись, она резко обернулась – и сквозь облака увидала корабль.

В следующее мгновение она уже мчалась вниз по склону.

Три дня. В снегоступах. Должно быть, он рухнулся. С рюкзаком на саднящих плечах Джейкоб, пыхтя, прокладывал путь по склону, огибая резкие, крутые подъемы. Восхождение было трудным, и он соскальзывал каждый раз, как переносил вес на заднюю ногу. Сощурившись, он посмотрел на вершину скалы, узкий, черный, незащищенный от ветра горный хребет. Если бы у него были ледорубы, тогда да, может он и справился бы с этим, а так, прямой подъем могли осилить только птицы, и даже проложенная тропа не поможет.

Тяжело дыша, он правой рукой вытер пот со лба и посмотрел, как от перчатки поднимается пар. Ходьба в снегоступах казалась относительно легкой (при этом слово «относительный» было относительным понятием), пока он придерживался более ровной поверхности, хотя и это было довольно относительным. Из-за того, что Шельфлайсленд был самым южным континентом Арк-Рояла, его рельеф представлял собой безумную мозаику, образовавшуюся в результате столкновения и отступления двух массивных ледников: мешанина из разбросанных повсюду валунов, скалистых, прикрытых снегом вулканических кратеров, конических камов¹, узких базальтовых горных хребтов и плоских из-за эрозии равнин. Обширный подземный водоносный пласт располагался не только по всему району, но и простирался дальше, проходя по дну моря до колонии клана Волка в изгнании на Герехтланде, где он превращался в лабиринт водных путей на поверхности. Здесь, так далеко на юге, из-за вечной зимы родники и реки были скованы льдом.

Лед, покрывавший гору, был прочным, голубого цвета и сиял так сильно, что у него болели глаза...

– Прекращай это, – сказал он, с каждым словом изо рта вырывались маленькие клубы пара. – Просто надо продержаться ещё одну ебучую неделю.

Неделю: три дня назад Кристиан Келл высадил его на покрытой ледниками отложениями равнине в двадцати километрах к востоку, указал на юго-запад и пожелал удачи. Словно желая придать ему стимул, Кристиан по всему пути припрятал небольшие сюрпризы: немного еды, сухую одежду, дополнительное топливо для переносного обогревателя. Продукты мало волновали Джейкоба, а вот топливо… Он старался быть экономным, и запасы топлива понемногу увеличивались. Но после того как три ночи он провел, укрываясь в палатке на одного человека, и не мог сдержать дрожи, закутавшись в спальный мешок (ранее он обнаружил, что местные хвойные деревья не горят, а просто взрываются; он это и так знал, но, обезумев от холода, забыл про это, пока едва не лишился бровей), затем, при помощи молотка и долота наколов льда на реке, чтобы добыть питьевой воды, Джейкоб подумал, что одна неделя это чертовски долго и дополнительные запасы топлива придутся как раз кстати. Нет, он, конечно, мог подать

¹ Кам – холм, образованный ледниками отложениями

сигнал о помощи, когда ему заблагорассудится, но это было исключено.

«Всё равно, я сошел ума, даже если откажусь от восхождения.» Чего он не собирался делать, вроде как, он же просто взберется на эту идиотскую вершину. Тяжело вздохнув, он продолжил нелегкий путь. В любом случае возможности обогнать хребет не было: он уже два раза проверял. Кристиан сказал идти по извилистой тропинке, которая вела на юго-запад, к горному хребту, по которому Джейкоб смог бы вернуться назад, на северо-восток. Также он добавил, что еще один запас топлива был спрятан здесь, возле крутых скал, возвышающихся над берегом и уходящих дальше вглубь материка под углом в 45 градусов. Учитывая надвигающийся шторм, дополнительное топливо оказалось бы чертовски полезным.

Он так тяжело дышал, что ему понадобилось несколько секунд, чтобы различить звук; изумленный, он остановился. *«Гром? Здесь? Сейчас?»* Прежде чем его мозг успел обработать эту мысль, он уловил движение и посмотрел в сторону хребта.

«Это дерево», – первое, что пронеслось у него в голове. Но затем он сам себе возразил: *– «Минуточку, деревья не бегают в снегоступах.»*

Размытое пятно на снеге, который вскидывало в воздух, словно грязь под колесами транспорта на дороге с гравием. Громкое *«у-у-х»*, когда воздух со свистом вырвался из легких, словно кто-то врезал ему по солнечному сплетению. В следующее мгновение он вместе со всем снаряжением оказался в воздухе, вот только двигался он назад, спускаясь по склону с такой скоростью, что ему заложило уши.

– Погоди, – с трудом выдавил он из себя, пока женщина – теперь он видел, что это женщина, просто очень высокая – впринципе спускалась по склону. – Подожди, кто?..

– Тихо, – не снижая скорости, сказала она. Пятью секундами позже она спряталась за огромными, необтесанными валунами у основания утеса и забросила его и себя в глубокий сугроб.

Дергаясь, Джейкоб попытался встать, но тяжелый рюкзак тянул его вниз, и он был беспомощен, как перевернутый жук.

– Эй!

Схватив кулаком Джейкоба за куртку, женщина перевернула его на живот.

БЭТЛКОРП

— Я же сказала. Тихо.

«Ого, а она огроменная.»

— Да кто ты такая? — через мгновение вопрос о том, кем она себя возомнила, напрочь вылетел из головы.

Воздух наполнился ревом. Джейкоб чувствовал, как под ним сотрясается земля, и вдруг из-за плотных облаков с пронзительным воем показался корабль. Он был серебристого цвета, похож на пулю. Может, истребитель? Но нет, не было видно ощетинившихся орудий ни на крыльях, ни на носе корабля. Может, тогда шаттл? Вертикальные языки желто-оранжевого пламени вырывались из-под каждого крыла, от жары на пятьдесят метров растаял снег. Покачиваясь, нижняя часть корабля раскрылась, и Джейкоб увидел, как засверкали прыжковые ранцы, когда три серо-металлические фигуры стремительным движением бросились вниз, похожие на маленькие, черные точки. У двух, один большой, второй поменьше, были рюкзаки и винтовки, у третьего оружия не было, но он держал какую-то коробку. Металлические двери захлопнулись, и в следующее мгновение корабль уже скрылся за облаками.

— Ни черта себе, — прошептал Джейкоб. — Это что за парни?

— Без понятия. Они не из клана.

Без сомнений, элементал: конечно же, это объясняло и её рост, и невероятную силу. Клан Волка в изгнании, как же, но что здесь могло понадобиться элементалу? Они же целую вечность назад покинули ближайшую колонию.

— Ты уверена?

— Вполне. В пойнте было бы пять воинов. Хотя они солдаты. У мужчины и женщины были гаусс-винтовки, плюс рюкзаки и снаряжение, значит, они подготовились, чтобы остаться на ночь или две. Но при этом их корабль не остался, а значит, неприятностей они не ждут.

— Тогда может они из Лиры? Ну, знаешь, люди Катрины?

— адреналин стучал по венам Джейкоба. Оборонительный рубеж Арк-Роял был создан восемь лет назад, по решению великого герцога Моргана Келла, дяди Кристиана, чтобы отдалить «Гончих Келла» от архонта Катрины Штайнер-Дэвион. Создание оборонительного рубежа и его сохранение на протяжении всех этих лет было всего лишь отвлекающим маневром. Поговаривали, что Катрину свергнут, так или иначе. (Каким образом, Джейкоб даже не мог представить. Да, да, его отец был мехвоином; господи, да его дед разгромил наемников Красно-

го Корсара. Именно поэтому Кристиан в первую очередь вернулся на Кукас Плэже Пит). Рубеж находился на границе с территорией клана Нефритового Сокола. С мая 3064 по июнь 3065 воины Нефритового Сокола совершили набеги на другие миры. Но на Арк-Роял они не нападали и постепенно пересечения границы прекратились. Если только это не было новой попыткой.

Когда он выложил об этом элементалу, она нахмурилась.

– Возможно. Хотя они с такой же легкостью могут быть агентами-разведчиками принца Виктора. Он тоже получит многое, если ему удастся втравить в драку «Гончих Келла» или клан. Но кем бы они ни были – «Локи», Нефритовый Сокол или преданные Виктору солдаты – что они здесь забыли?

Хороший вопрос. Джейкоб смотрел, как три фигуры приземлились на самой кромке плоской равнины, где росли редкие, покрытые снегом вечнозеленые кусты. Двое с винтовками двинулись вперед и начали прочесывать периметр, пока третий стоял, вцепившись в свою коробку.

Элементал напряглась, и от Джейкоба это не ускользнуло.

– Что?

– Эта коробка, – элементал свернулась в комок напряженных мышц и тугих сухожилий. Джейкоб подумал, что она похожа на горную кошку. – Желтый символ на одной стороне.

– Символ? – переспросил Джейкоб, пытаясь разглядеть желтое пятно, пока у него не начало все расплываться перед глазами. Может, у элементалов даже зрение было улучшено.

– Что за он?

– Биологическая опасность.

– Ты говоришь о биологическом оружии? Яд?

– Да.

– Но какой смысл травить что-то в такой глуши? И что травить?

– Оба вопроса в точку. Что здесь есть, чего больше нигде нет?

Морщины прорезали лоб Джейкоба. Ну, здесь были снег, скалы и лед, и тут в голове пронеслось воспоминание того, что он делал сегодня утром: колол лед на реке, которую подпитывали подводные источники. От удивления у него перехватило дыхание, обернувшись, по широко раскрытым глазам элементала он понял, что ей пришла та же идея.

– Вода, – одновременно сказали они.

Три часа спустя, пока они пробирались сквозь чащу призестистых хвой на северо-восток, ученый сказал:

– Что-то мне это не по душе.

Он поднял щиток шлема (может, потому что радио вряд ли передало бы его хмурый взгляд) и бросил этот самый взгляд на мужчину, идущего слева от него.

– Мне это не нравится.

Маккензи поднял свой щиток и ответил:

– А тебе и не должно это нравиться.

Маккензи не было его настоящим именем. В жизни разведчиков «подлинное» было понятием относительным.

– Я только сказал, что кому-то удалось сюда пробраться. Так что нечего паниковать. Следы вели на юг, – свободной рукой он махнул в сторону, откуда они пришли. – Волноваться не о чем.

– Суть в том, что я вообще не должен волноваться, – ученый был невысокого роста, с гибкой фигурой и лицом, покрытым морщинами, на котором светились черные глаза-пуговки. Маккензи подумал про длинноногого гиббона. Тут маленький человек жалобно вздохнул, от этого ноющего звука Маккензи заскрипел зубами.

– Ты заверил меня, что это пустынная местность. «Нет никакого риска» – вот что ты сказал генералу; еще и меня в этом убедил.

Маккензи с трудом подавил сильный порыв выдавить эти глаза-пуговки при помощи больших пальцев.

– Можно подумать, что я предложил проделать весь этот путь, избегая спутниковой системы обнаружения, затем приземлиться посреди покрытой снегом пустоши, далеко за пределами оборонительного периметра клана, и все ради сомнительного удовольствия рискнуть своей шеей.

– Значит так, если разобраться... – маленькое обезьянье лицо ученого перекосило от ярости.

– Парни, – раздался справа от ученого голос Прейтер. Это была брюнетка невысокого роста. Прейтер тоже было ненастоящим именем. – Послушайте вы, кретины, если так хочется выплеснуть свой тестостерон, занимайтесь этим в свободное время.

– Кретины! – залопотал ученый. – Да он ничем не лучше гориллы-переростка, только что пушка в руках.

– На данный момент у нас есть задание, – спокойно продолжила Прейтер. – Мы впрыскиваем биотоксин в водоносный пласт, сваливаем с этой горы, – она небрежно указала направление, – и затем можете устраивать свои разборки, сколько душе угодно.

Тут, прежде чем Маккензи успел поразмыслить, что он сделает с этим шимпанзеподобным ученым, с протяжным гулом лес взорвался.

«Давай!» Мара бросилась по голому хребту скалы. Как только она коснулась снега, лежавшего ниже хребта, от взрыва земля под ее ногами словно ожила: от толчков снег вибрировал, его подбрасывало вовсе стороны. Справа от нее извилистый пласт снега, задрожав, начал медленно сползать по склону. *«Сила толчка может привести к небольшой лавине, а это мне не нужно.»* Нужно спуститься вниз, и быстро. Отклонившись назад, она отцепила шипы на снегоступах, поджала пальцы и длинными скользящими рывками, больше похожими на танец, начала спускаться по склону. Добравшись до ровного льда, она свернула в лес. Взрывы должны были отвлечь разведчиков, заставить их смотреть на север и запад, в то время как она атаковала бы их с юга и востока. Если повезет, то один или оба разведчика уйдут в сторону, оставив снаряжение без присмотра.

Сквозь деревья она видела, как ветер раздувает желто-оранжевое пламя; внезапно, получив богатый кислородом воздух, пламя вспыхнуло, изрыгнув фонтаны сверкающих искр. Пожар был настолько яростным, стояла такая жара, что она могла слышать потрескивания в воздухе: сухой звук, словно кто-то рвал тугой целлофан.

Все было, как и обещал этот щенок Джейкоб Гейст: *«Но, Мара, неужели ты не понимаешь? Это же хвои Шельфлайсленда, если я добавлю наше топливо и то, что оставил Кристиан, добавлю, где много смолы, то смогу взорвать парочку деревьев, взлетят выше неба».*

Страваг, от его простонародной речи у неё голова заболела. Хотя по своему происхождению её клан был намного

ближе к сфериодам, чем остальные воины, это вовсе не значит, что элементал в независимости от своих корней должен быть настолько неотёсанным. Все же идея ей понравилась. Вообще она сама должна была бы до этого додуматься. Вначале она отвергла эту мысль, но он продолжил натаивать, и с неохотой ей пришлось прислушаться. (Воут, если на то пошло, разве не поэтому ее сослали? Не потому, что она не хотела прислушаться?) Да, план мальчишки был неплох, кроме того они не смогут подать сигнал бедствия. У неё радио не было, а передатчик парня работал только на широком диапазоне. Слишком большой риск, что их сигнал перехватят.

Всё же странный он, этот Джейкоб Гейст. Она чувствовала, что его терзали те же чувства, что и её – грусть и ненависть к самому себе. Она была готова поклясться, за этим что-то скрывалось. Ах, щенок был истинным Гейстом, хотя сам он в это не верил. Отвага, проявленная его дедом много лет назад во время сражения с Красным Корсаром, стала легендой, и от Нельсона Гейста парнишке досталась невероятная сообразительность.

«И хорошо для него, ведь благодаря его плану мои шансы улучшились.» Мара припала к земле и осторожными шагами начала продвигаться с дикой ухмылкой на губах. Впереди можно было увидеть отблески янтарного пламени на снеге, однако позади поверхность была молочно-белой, для её зорких глаз света было достаточно, чтобы различить тени и петляющие по лесу следы. Тропинка уходила влево; она взяла вправо, стремительно продвигаясь сквозь деревья, легкое скольжение снегоступов по ледяной корке – единственное, что можно было услышать. Немного впереди она уловила какую-то темную полосу, совсем близко от земли – и тут полоса дернулась.

Быстрая как молния, Мара спряталась за мощным стволом трехметровой хвои, кора которой была покрыта дырками, липкой от медленно сползающих, никогда не замерзающих ручейков смолы. Очень осторожно она выглянула из-за дерева. Самый маленький из троицы: должно быть, те двое ушли узнать причину пожара. Словно почувствовав чье-то присутствие, фигура повернулась, и она пригнулась, не осмеливаясь даже дышать, но все же ей хватило времени разглядеть, что лицо было закрыто.

«Интересно, это у него дисплей управления или просто защитное стекло?» Обождав несколько секунд, она снова вы-

глянула. Теперь человек стоял, повернувшись к ней спиной. Отлично. Понемногу отходя от дерева, Мара совершила обманный маневр, не отрывая глаз от жертвы. Внимание мужчины (женщины?) было приковано к чему-то слева, ее он не заметил. Превосходно: еще пару шагов и тогда...

Фигура резко развернулась, и у неё зашумело в ушах, когда взглядом она встретилась с черными глазами-пуговками на обезьяньем лице, когда увидела его ухмылку – и серебристое сияние «Штернснахт Питона».

– Попалась, – сказал человек-мартышка и выстрелил.

15 июля, 3066г.: ночь

Мальчишка. В изумлении Маккензи изучал дрожащую, всхлипывающую фигуру, спрятившуюся в снеге. Не солдат, а просто вшивый, хныкающий ребёнок в каком-то странном костюме, – черном, ради всего святого – который так и кричал «*Вот он я. Стреляйте!*». Боже, парнишка мог просто нарисовать мишень у себя на груди. Ну, мальчишка или нет, именно он устроил это представление с фейерверками, и Маккензи это очень не понравилось.

– Вставай.

Вдруг, чисто из злости и еще потому что Маккензи был взбешен, ведь ему так хотелось поскорее свалить с этой проклятой горы, ведь кто знает, кто теперь ими займется; меньше всего ему был нужен этот вундеркинд-засранец, способный провалить их задание, он ткнул дулом своей винтовки в поврежденное плечо парнишки, боль, прозвучавшая в крике мальчишки, принесла ему истинное удовольствие.

– Пошли, – сказал он, когда на смену крикам пришли тихие, похожие на икоту всхлипы. – Вставай, или клянусь всеми святыми, я пристрелю тебя прямо на месте.

– Но-о, м-мне-м, мне больно. Правда, я не могу. Не могу пошевелиться, очень болит, честно, очень, – после этих слов мальчишка перевернулся на бок, и его стошило.

Отлично. Маккензи ждал, пока тот справится с рвотными спазмами. В надвигающихся сумерках он мог разглядеть только пар, поднимавшийся от снега, и мысленно поблагодарил не-

беса за то, что он стоял спиной к морю, против ветра. Значит, парнишка не притворялся, он действительно был серьезно ранен. Бесстрастно Маккензи изучил правую руку мальчишки. Словно флаг в безветренный день, она просто свисала, неестественно изгибаясь где-то посередине, от локтя к запястью. Кажется, он переломал свои цыплячьи кости надвое. Ну, это не имеет значение. Ни один мальчишка не смог бы выкинуть подобный трюк в одиночку. Взорвать парочку деревьев, для чего, забавы ради, ты что, не знаешь, что отвлекающий маневр на передовой – один из старейших приемов из учебника, или как? У Маккензи на этот счет иллюзий не было: там, где пожар, мог затаиться один, или даже два парня с пушками, а идея стать учебным пособием для воинов клана его совсем не привлекала. Хотя, на его взгляд, мальчишка вряд ли был из клана.

– Послушай, у меня нет на это времени. Или ты встаешь, или вот оно – твое последнее пристанище. Лично мне без разницы.

– Так ты в любом случае меня убьешь, – в сумрачном, тусклом свете его лица напоминало бледную маску призрака, мерцание плоти в нелепой черной куртке с капюшоном. – Какой смысл?

Маккензи решил сказать полуправду:

– Смысл в нашем сотрудничестве. Убивать я тебя не стану, честно, живой ты представляешь большую ценность, чем мертвый. Никогда не знаешь, когда может пригодиться заложник.

– Заложник, – срывающимся, полным слез голосом повторил парнишка. – Оглянись, здесь никого и ничего нет. Тебе заложники не нужны. Ты меня убьешь. И вообще, зачем вы здесь?

– Я не обязан отвечать на твои вопросы, – уже сильно на взводе ответил Маккензи. Да кем этот паршивец себя возомнил? – Так, давай, поднимайся, сейчас же, – а когда распустивший слюни щенок не пошевелился, Маккензи наклонился и обхватил левую руку мальчишки. – Я сказал, подъем.

Словно натянутая пружина, с ревом раненого зверя парнишка подпрыгнул, Маккензи ощутил дуновение воздуха, почувствовал движение, настолько быстрое, что он даже не успел моргнуть. Тут нечто твердое, несгибаемое, словно сталь, с треском раздробило кости его носа и продолжило движение, разрывая плоть, превращая его лицо в кровавое месиво.

БЭТЛКОРП

За долю секунды до того, как он принял решение, всё осталвшееся отошло на задний план: шум моря, завывания ветра, даже колючее прикосновение ледяного снега к коже. Джейкоб исчез, остался только клубок чистой, первобытной ярости, вскочившей на ноги и ударившей левой рукой – искусственной, той, что не чувствовала боли – со всей силой.

Достигнув цели, его кулак с хрустом, словно треск скорлупы, раздавленной ногой, раздробил кости и хрящи. Ему в лицо брызнул фонтан горячей крови, он мог почувствовать ее вкус на языке, соленый, влажный, что-то похожее на виноград, очень мягкое, лопнуло, когда его пальцы добрались до глазниц, рука не могла, не хотела останавливаться. В нем накопилось столько злости, столько импульсивной силы, ведь, естественно, его левая рука была намного прочнее черепа этого мужчины.

Мужчина кричал: хотя, скорее это был не крик, а захлебывающееся бульканье, звук, словно ребенок дул через соломинку в стакан молока. С булькающим звуком, захлебываясь от стремительных потоков собственной крови, мужчина уронил винтовку, которая с металлическим клацаньем упала на камень. Он стоял, пошатываясь, пока Джейкоб с хлюпаньем не вырвал свой окровавленный кулак. Все с тем же булькающим звуком мужчина схватился за глубокую, полную крови дыру, которая у него теперь была вместо лица. Даже при таком тусклом свете Джейкоб мог разглядеть, что он еще и ослеп, его глазницы были пусты, а сами глаза были похожи на маленькие комочки раздавленного желе. Мужчина взмыл, за этим последовал новый звук, словно барабанная дробь, грохот игральных костей по мраморному столу, когда его зубы посыпались, ударяя по холодному, твердому камню.

Покачиваясь, мужчина отступил на шаг, потом еще на один, и еще. Затем он просто исчез.

С забрызганным кровью лицом, рукой, покрытой сгустками, Джейкоб смотрел, как, упав, мужчина растворяется в темноте. Его невозможно было разглядеть задолго до того, как он врезался в бушующее, ревущее море. Джейкоб даже не услышал его криков, а крики наверняка были, когда острые зубья базальтовых гор раздробили грудную клетку. Или может он уже был мертв, когда упал.

Так или иначе, его больше не было.

В шлеме раздался щелчок. За ним последовал раздражающий звук, словно писк комара:

– Мне это не нравится.

Спрятавшись за старой хвоей на самом краю небольшой просеки, где их застал первый взрыв, Прейтер негромко выругалась. Естественно, ученый ее не услышал бы; ее канал был настроен только на прием, передачи не было. Но даже просто слушать этого маленького человечка причиняло такую боль, словно кто-то загонял иголки ей в мозг. На долю секунды ее захватило непреодолимое желание разрядить пулю от гаусса ему между глаз. По крайней мере, одной проблемой стало бы меньше. Вместо этого она настроилась на закодированную частоту:

– Тебе вечно всё не нравится.

Даже несмотря на электрические помехи, она могла услышать его фырканье, полное сарказма.

– Однако ты не можешь не согласиться, что что-то пошло не так. Он должен был уже вернуться.

– Немного терпения. Он скоро придет, – ответила Прейтер, сама не веря в свои слова. За последние полчаса от Маккензи ничего не поступало, и к этому времени он уже должен был выследить кого бы там ни было. Насколько сложно это было? Кто бы ни прятался в лесах, он не обладал особо выдающимися навыками. Грубое исполнение отвлекающего маневра это только подтверждало, как и поведение элементала, которую пристрелил ученый. Но она лучше выщапает себе глаза, чем согласится с ним.

– Всё равно мне это не нравится.

Взбешенная, Прейтер развернулась на пятках. Быстрым движением она посмотрела вверх и вправо сквозь дисплей управления, настроенный на режим инфракрасного излучения. С закатом солнца исчез даже тот слабый свет, который отбрасывало вечернее небо, и хотя она знала, что на Арк-Рояле полнолуние, сквозь плотную завесу облаков и вихри снега ничего не было видно, а пламя загоревшихся деревьев потухло где-то полчаса назад. Хотя он прятался в тени, она с легкостью обнаружила пульсирующее инфракрасное пятно ученого и мутное свечение его «Питона», морозный воздух еще не

БЭТЛКОРП

успел погасить тепло, исходившее от его дула. У ног ученого виднелось еще одно очертание, однако изображение было намного слабее и становилось все нечетче с падением внутренней температуры.

– Что насчет неё?

Ученый хмыкнул:

– Пока жива. С другой стороны, если она не умрет от потери крови, её добьет переохлаждение. Так что если хочешь, чтобы она осталась в живых, надо что-то придумать с обогревом.

– И потратить на это наше топливо?

Ещё один быстрый осмотр не показал никакого движения с запада. Прейтер подошла и склонилась над элементалом. Фигура у ее ног шевельнулась; сквозь аудиосенсоры, улавливающие внешний шум и проводящие звук в шлем, до Прейтер донеслось тихое бормотание. Включив узколучевой внешний фонарик, Прейтер активировала систему управления. Её щиток треснул и открылся, снег ужалил щеки. С недоверием глядя на связанную элементала, она закричала:

– Что?

От порывов ветра и вихрей снега темноволосая коса элементала растрепалась, густые, волнистые пряди ореолом окружали ее лицо, словно множество маленьких змеек. В лучах ярко-белого галогенового света, испускаемого фонариком Прейтер, её глаза мерцали, словно у кошки в темноте. Из правой ноздри сочилась кровь, покерневшая, словно уголь, от времени и мороза. Вся правая сторона лица заплыла, на ней виднелось множество кровоподтеков, словно татуировка зиял след от удара гаусс-винтовки Прейтер. (Прейтер не собиралась бить настолько сильно, просто она, м-м-м, не совладала с эмоциями.) Хотя ученый и был словно шило в заднице, стрелял он отменно: один выстрел в левое плечо, еще один по правой коленной чашечке. Обездвиживает, но рана не смертельна, если только не попадешь в бедренную артерию, с этим всегда рискованно. Хотя до сих пор кровь хлестала как из свиньи, и она постоянно твердила о боли.

Губы элементала, посиневшие и опухшие настолько, что стали похожи на жирных червей, вновь шевельнулись. Зубы были в крови, но всё же её голос, несмотря на хрипоту, был хорошо слышен сквозь завывания ветра.

– Я сказала, что принадлежи ты к клану, я бы вызвала тебя в круг равных. Но даже если бы ты и была из клана, я сомнева-

ваюсь, что в близком сражении ты бы представляла большую угрозу. Кроме того, ты не гнушаешься прибегать к обману. Именно такого поведения я ожидала от сфероида. Не стоит утруждать себя, пытаясь отобрать то, чего у тебя и так нет. Я говорю о чести.

Ученый, к тому времени тоже поднявший щиток, хрипло рассмеялся в нос, звук словно ножом резанул по нервам Прейтер. Это вызвало новый приступ гнева, но она не могла пристрелить ученого – *но ведь тебе этого хочется?* – поэтому она ткнула дулом винтовки элементала в грудь с силой, достаточной, чтобы оставить синяк. Но элементал, разразив ее гром, даже глазом не моргнула. Эти чертовы воины кланов с их верой в собственное превосходство, как бы ей хотелось голыми руками стереть это самодовольной выражение с её лица, может, душить её до тех пор, пока бы глаза не вылезли из орбит, а она бы не обделалась. Вместо этого Прейтер приставила дуло к лицу элементала, сразу под левым глазом. Одного выстрела будет достаточно. «*Только дай мне повод.*»

– Правда? Нет чести? Ха! А может, тебе просто не нравится, что я оказалась умнее? Что у меня больше трюков в запасе? – с этими словами Прейтер откинула голову назад и, открыв рот, испустила долгий, леденящий кровь вопль: так кричала бы женщина, с которой заживо по кусочку срезают кожу. Оскалив зубы, она неприятно ухмыльнулась, злобно глядя на элементала. – Например, как этот?

– Особенно этот. Даже дураку известно, что воины кланов не кричат, словно дети малые. Что, пришел кто-нибудь мне на выручку? Конечно же, нет. Если бы здесь были другие, услышав твои вопли, они бы поняли, что это ловушка. Но я тебе уже говорила. Я действовала в одиночку. Ты попусту тратишь время.

– О, это я уже слышала, вот только я не верю тебе. Ах да, у тебя же нет оружия. Видимо, рассчитывала захватить наше. Но поверить в то, что ты проделала все сама? Да тебе попросту не хватило бы времени, чтобы поджечь деревья и вернуться назад, нарезав круг, и пробраться сквозь лесную чащу. Для начала, чтобы взорвать смолу – должна отдать тебе должное, ловкий трюк – требуется постоянная высокая температура, искры от удаленного таймера было бы недостаточно. Не надо быть суперумным, чтобы догадаться, что у тебя был помощник, и он, как и ты, влип в большие неприятности, иначе он бы уже пришел сюда, взрывая все на своем пути.

– Здесь больше никого нет.

– Чушь собачья. Ты кое-что упустила из виду, – присев на карточки, Прейтер настолько приблизила свое лицо, что теперь она могла заметить малейшее движение глаз элементала.
– Следы.

Это был выстрел наугад. Прейтер и Маккензи не удалось отыскать ни одного следа. Даже если бы следы и были, жар от пламени растопил снег, и после этого они нигде не наследили. Так что или у приятеля элементала была очень легкая поступь (в чем Прейтер сильно сомневалась: эти элементалы ходили словно танки), или ветер уничтожил все признаки его отступления. Она просто блефовала.

В яблочко. Она сидела достаточно близко, чтобы уловить, как глаза элементала очень быстро метнулись в сторону: не на запад, и не на юго-запад, она посмотрела на северо-запад. Прейтер могла бы и сама догадаться. Конечно же, её маленький дружок не шел за ними и не преследовал их параллельно, он ушел вперед. Этот горный хребет, торчавший вдалеке, вот где он скрывался, должен был скрываться.

– Спасибо, – поднявшись, Прейтер настроила переговорное устройство. – Маккензи, прием.

– Что случилось? – ученый помахал своим «Питоном» в её направлении. – Что там у тебя?

– Наставляй эту штуку куда-нибудь в другую сторону, – немного отступив, сказала она. – Например, на неё, может, хоть от этого будет польза.

– Она никуда не денется. Так что случилось?

Проигнорировав его вопрос, она вновь включила передатчик:

– Маккензи, пожалуйста, ответь, это Прейтер.

– Не смей игнорировать меня! – сделав шаркающий шаг, ученый покачнулся на своих снегоступах, замахал руками, словно ветряная мельница, после чего ему удалось выпрямиться. – Вы, солдаты считаете себя умнее всех. Залезай, вылезай, проще пареной репы. Так вот, этой леди удалось нас найти, и это реальная проблема, и мне это очень не нравится. Почему он не отвечает?

– Потому что, возможно, он занят. Может, он тоже догадался, что второй, кем бы он ни был, прячется впереди. Ведь он впереди, не так ли? – последний вопрос был адресован элементалу, и она получила удовольствие, увидев, как та замерла. «Я тебя раскусила.» Её зубы блеснули в злорадной, тор-

жествующей ухмылке. – Если Маккензи не ответит в течение двух секунд, я сама за ним пойду.

– Куда? – озадаченно спросил ученый.

– Вперед, к горному хребту. Ведь я права, не так ли? – спросила она у элементала, ответившей ей безразличным взглядом. Прейтер фыркнула. – Ага, права, большое спасибо. Так, к черту всё это. Я пошла.

– Ты не можешь оставить меня здесь одного, – жалобно прошипал ученый. – Что если она попытается улизнуть?

– Да ради всего святого, у неё же колено раздроблено. Никуда она не денется.

– Но ты только посмотри на нее! Она же огромная.

– Иисусе, – раздраженно фыркнула Прейтер. – Ладно, – продолжила она, осветив элементала фонариком, она подняла винтовку и прицелилась. «*Аккурат между глаз, милая.*» – Попрощайся с жизнью.

В этот момент раздалось громкое *ка-бум!*, от которого у Прейтер задребезжали зубы, через мгновение что-то со свистом пронеслось мимо её правого уха. В ту же секунду – нет, через полнаносекунды – раздался крик ученого, когда пулька гаусс-винтовки попала ему в грудь, проделав в ней огромную дыру, из которой повалили розовые ошметки легких, осколки раздробленных костей и фонтан черно-красной крови. От удара ученого откинуло назад, и он врезался в дерево. Отлетев от дерева, тело упало лицом в снег, ноги по-прежнему судорожно дергались, как у жирной лягушки под электрическим напряжением.

КА-БУМ! Выстрел прожужжал у неё прямо над головой, но Прейтер успела откатиться влево до того, как ствол сосны превратился в ливень щепок, наполнив воздух острым ароматом скипидара. Что за?.. Нервы на пределе, Прейтер двинулась вперед: в снегоступах это было чертовски непросто, но она потянулась, пытаясь добраться до укрытия ближайшего дерева. Следующий выстрел создал фонтан из снега всего в полуเมตรе от её левого ботинка.

– Дерьмо! – зашипела она и бросилась к подножью дерева. Ударившись лицом в снег, она почувствовала, как он тает и как по шее побежала ледяная вода. Как он мог её видеть, у него что, была система инфракрасного слежения? Наклонив голову влево, она услышала еще один выстрел, при свете своего фонарика она увидела, как снег взметнулся над землей.

БЭТЛКОРП

Свет от фонарика. «*Молодец, Прейтер; ты бы еще табличку повесила, тутица.*» Она тут же выключила фонарик. А теперь посмотрим, насколько хорошим стрелком он был. Она бросила быстрый косой взгляд поверх левого плеча. Десять метров, плюс-минус: ученый лежал неподвижно, рядом виднелись массивные очертания элементала, свернувшейся калачиком. Может, выстрел, убивший ученого, зацепил и её. Хотя вряд ли: до этого она сидела, прислонившись спиной к дереву. Наверное, когда началась стрельба, она просто упала на землю, укрываясь.

И тут её осенило, как можно убить обоих воинов клана одним выстрелом.

Опустив щиток шлема, она включила дисплей управления. Так и есть, элементал была жива: на экране показалось пульсирующее пятно тепла, испускаемого телом. Ученый был в прошлом, остаточная температура его тела испарялась прямо у нее на глазах.

Прейтер посмотрела вперед, сканируя деревья по правой стороне. Дальность действия её систем была не такой большой и точной, как в обычном нейрошлеме: она могла видеть максимум на пятнадцать метров вокруг себя. Если жертва укрывалась за деревом или валуном, она не сможет её засечь, не подбравшись поближе. «*Но если у него нет системы инфракрасного слежения, у меня появится преимущество.*» Двигаясь очень медленно, она отсоединила фонарик от шлема и сжала его в левой руке. На старт, внимание, сейчас! Включив фонарик, она бросила его влево, на открытую местность.

– Нет! – раздался голос элементала, где-то позади, немного левее Прейтер, она всё ещё могла её видеть краем глаза. – Нет, Джейкоб, остановись!

«*Не-а, не-а, давай, Джейк, давай!*» В следующее мгновение Прейтер услышала выстрел, вырвавшийся из винтовки, увидела, как озарилось длинное дуло, а затем до неё донесся долгий, резкий звук рикошета. Вот так! На ее дисплее мелькнула красная вспышка, когда из-за дерева метнулась фигура, вспышка тут же исчезла. Ещё один выстрел, на этот раз не выдержали нервы.

– Джейкоб! – вновь закричала элементал. – Нет!

Хорошо, вот и ответ на вопрос. Ухмыляясь, Прейтер выбросила из головы элементала и сосредоточилась на деревьях, где она засекла вспышку. Её противник последовал за светом

фонарика, а не за её тепловым изображением, к тому же он был новичком, стрелял наугад, ему повезло, вот и все. Двенадцать метров, она прикинула, затем взялась правее, так что ей нужно было осторожно сократить расстояние и зайти к нему с левого заднего фланга. При таком ветре он ее в жизни не услышит. Аккуратно она обогнула дерево, проползая по краю небольшой просеки. Оставшаяся позади элементал молчала, и это было к лучшему, потому что Прейтер была готова ее пристрелить просто, чтобы заткнуть ей рот. «*Эту маленькую радость я оставлю на десерт.*» Она заскользила по снегу, бросая взгляд то на дисплей, то на окружающие деревья и сугробы, медленно подползая все ближе, и ближе, и...

Есть! Вспышка красного, принявшая очертание левого плача старого доброго Джейка, погодите, куда делась его рука? Хотя, не важно, всё и так замечательно, всё просто чертовски хорошо! По-кошачьи, она приподнялась, начала заходить слева, пока на дисплее на появилась очертания его головы и груди, она увидела, что он смотрит вправо.

«*Не в ту сторону, мальчик. Спокойной ночи, Джейк.*» Выпрыгнув из-за деревьев, Прейтер приподняла винтовку на уровень для выстрела в голову. Аккурат между глаз.

Она нажала на курок.

Джейкоб так пристально щурился, разглядывая сквозь плотную пелену снега узкую полоску света от фонарика и вроде как очертания под ней, проклиная себя за то, что повелся на старейший трюк из учебника (Учебника? Какого учебника?), что он не заметил фигуру, пока она не выпрыгнула слева от него. Изумленный донельзя, сбитый с толку, он едва успел обернуться.

Тут прозвучал выстрел; но не громоподобный *БУМ!*, который издает гаусс-винтовка, а скорее щелчок.

Фигура дернулась, описав широкую дугу. Она раскинула руки, за этим последовали оглушительный *КА-БУМ* и снопы искр, когда гаусс-винтовка выстрелила по деревьям. Ещё один щелчок, и фигура, обвиснув, словно сломанная марионетка, повалилась на снег.

С широко раскрытыми глазами, Джейкоб резко выдохнул, издав при этом короткое «ха!» И тут, когда осел снег и всё

БЭТЛКОРП

прояснилось, он увидел лежащую на животе Мару, не дальше пяти метров. По снегу петляла свежая кровавая дорожка, по которой можно было проследить, как она продвигалась, опираясь на один локоть и одно колено. В правой руке она держала пистолет.

Встретившись с взглядом Джейкоба, она улыбнулась.

– Всегда пожалуйста, – сказала она.

– Что теперь? – спросил Джейкоб, когда Мара закончила.

Она отдала ему его радиопередатчик.

– Будем ждать. Шторм всё ещё сильный, но они пришлют за нами корабль, как только смогут. Им не терпится увидеть, что у нас здесь, – она кивнула головой в сторону черного ящика с желтым символом «Биологическая опасность». – И узнать, что это за люди, были. Конечно, мы можем никогда этого не узнать. Больше шансов, что это были «Локи». Такое как раз в духе этой гадюки Катрины. Но кем бы они ни были, у нас есть их костюмы, которые наши ученые с радостью изучат.

– Ох, – медленно, левой рукой Джейкоб засунул передатчик в куртку, стараясь не беспокоить правую руку. У них не было подручных материалов, чтобы её перевязать, и она чертовски сильно болела. К тому же ему все равно было очень холодно. При осмотре снаряжения убитой женщины они нашли палатку (и даже смогли ее поставить; задача не из простых во время шторма и при наличии всего двух здоровых рук на двоих), куда они перетащили черный ящик и ее рюкзак. У неё не было обогревателя, только спальный мешок, сухпаек и вода. Всё же это было лучше, чем сидеть снаружи. – А мы что, ну, не считаемся?

– Относительно, – Мара криво улыбнулась опухшими губами. – Расслабься, они не дадут нам замерзнуть до смерти, кроме того у нас отличные доктора. Просто нужно время.

– Я знаю. Будем ждать, – вздохнул Джейкоб и задрожал. – Если бы только у нас был обогреватель. Использовал все топливо на деревья.

– Это было необходимо.

– Да знаю я. Но все равно.

– Ну, – Мара запнулась, – есть кое-что, что мы можем сделать.

БЭТЛКОРП

– Да?

– Ага. Согреться телами, – увидев выражение лица Джейкоба, она рассмеялась. – Я просто предлагала залезть в спальный мешок и вместе закутаться в куртки. Только очень осторожно. У меня дико болит плечо, да и твоя рука не лучше. Зато нам будет тепло и уютно. Мы могли бы рассказывать друг другу истории, чтобы время прошло быстрее, вонт?

– О, – Джейкоб не знал, что он почувствовал, то ли облегчение, то ли разочарование. «Черт тебя побери, повзрослей; она же, ну, элементал. Ты, правда, думаешь, она может заинтересоваться...» – Лады. Вот только...

– Да?

– Я, это, могу двигать только левой рукой.

– Даже одной рукой тебе удалось поставить палатку. Кстати, у тебя очень необычная левая рука. Готова побиться об заклад, за этим стоит длинная история, я права? – должно быть, что-то в его лице её насторожило, мягким голосом она добавила: – Джейкоб, я не хотела обидеть тебя. Не стоило мне шутить на эту тему.

– Всё в порядке, – проглотив ком в горле, ответил он, глаза щипало от подступивших слез, но всё же он выдал вялую улыбку. – Вообще-то мне вроде как интересно, что ты здесь делаешь. Это не очень похоже на, ну знаешь...

– На обычное поведение воинов клана? Нет, не похоже, – она вздохнула. – Суркай лежит за пределами обычного. На самом деле, это очень тяжело.

– Суркай?

– Так мы называем ритуал прощения, и это тоже долгая история. Давай договоримся. Я стану твоей правой рукой, а ты – моей левой, прижавшись друг к другу, мы быстро согреемся. Затем я расскажу тебе о суркай, а ты мне расскажешь, как ты стал таким, как сейчас. Согласен?

Джейкоб не мог понять, что это значило на самом деле, ведь Мара была старше, но она была очень красивой, а он сильно замерз. Кроме того, ему наконец-то захотелось рассказать о Иоакиме. Не так, как во время сеансов с психиатром, или бесед с Кристианом, а по-настоящему выговориться, поделиться с другом.

– Ладно.

– Ну, вот и хорошо. Тогда для начала согреемся, Джейкоб Гейст, а потом мы с тобой поболтаем. Вот увидишь, – тут она

бросила на него взгляд из-под ресниц, – время пролетит так быстро, а тебе будет так хорошо, что ты пожалеешь, когда за нами прибудут спасатели.

Она оказалась права. Когда спустя четыре часа он услышал рев двигателей, а их взгляды встретились, её глаза, казалось, оттаяли, стали мягче. Словно между ними наконец рухнула стена. Хотя, возможно, это произошло с ним, потому что он понял, что ему не хочется, чтобы это заканчивалось. Не сейчас. Может, никогда. Они лежали, прижавшись друг к другу, им было так тепло – и от этого ему было… хорошо. Это было правильно.

– Можно спросить тебя кое о чём? – дождавшись её кивка, он продолжил. – Ты любила Стивена?

К его великому облегчению, она не ответила, что не его дело и не задала встречный вопрос, почему он об этом спросил. Вместо этого она некоторое время размышляла над ответом:

– Нет. Не в обычном смысле этого слова для вас. Да. Я любила его, но то была любовь, основанная на преданности, на служении общей цели.

– Понятно, – сказал он, при этом подумав: *«Ага, понятно. Что понятно?»* – Что теперь с тобой будет? В смысле, тебе придется вернуться, чтобы закончить *суркай*?

Она отвела взгляд, но он заметил судорожное движение её горла, словно она пыталась что-то проглотить. Когда она вновь повернулась к нему лицом, глаза ярко блестели.

– Я не знаю. Возможно. Я не знаю, достаточно ли одного хорошего поступка, чтобы искупить неудачу, исправить которую нельзя.

У Джейкоба на языке вертелся еще один вопрос, но он колебался. Увидев выражение лица, он понял, что она догадалась. Может, даже хотела, чтобы он задал свой вопрос. Он решился:

– Я могу пойти с тобой? Нам необязательно разговаривать, я постараюсь не путаться под ногами. Я просто буду… рядом.

Мара тихо выдохнула, понемногу выпуская воздух. Затем очень нежно она сказала:

– Не думаю, что тебе позволят это сделать, Джейкоб, о чём я искренне сожалею. Уже прошло очень много времени, когда я в последний раз позволила кому-либо… быть рядом. Но…

– Да?

– Когда я выиграю эту битву, при помощи суркай или на поле сражения, рядом со своими товарищами, мне бы хоте-

лось узнать тебя поближе, – взгляд её черных глаз гипнотизировал его, а в груди разливалось тепло. – Мне бы хотелось, чтобы ты узнал меня поближе. Подобная близость с другим человеком может оказаться... приятной. Джейкоб, как думаешь, это возможно?

– Конечно, – ответил он, изумленный тем, что его сердце смогло вспомнить о том, что ему следует биться. Господи, как же легко стало на душе. – Думаю, да.